

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-204-206

© Р. Ю. Данилевский

«БЛАЖЕННОЕ НАСЛЕДСТВО»: СБОРНИК СТАТЕЙ О ЖИЗНИ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Классическая традиция понимается здесь в своем прямом смысле — как наследие античности и классицизма, а также в смысле, более приближенном к нашему отечественному наследию, — как традиция русской литературы XVIII века. Сборник и составлялся силами участников научного семинара «Русский XVIII век», существующего при кафедре истории русской литературы Санкт-Петербургского университета с 2007 года.

Участники сборника представляют различные страны (Белоруссия, Болгария, Германия, Польша, Россия, США, Украина), однако в основном статьи написаны по-русски, некоторые переведены на английский и есть статья на украинском языке. Как пишет в «Предисловии» петербургский редактор сборника проф. П. Е. Бухаркин, «выходящая книга многоязычна, и это не каприз и не следование моде, а достаточно принципиальный поступок создателей книги: именно приобщение к классической традиции и поместило русскую словесность в многоязычный, но, при этом многоязычии, в главный единый, европейский культурный контекст» (с. 3).

Сборник открывается разделом «Классическая традиция в истории русской литературы» (с. 7–24). В статье Бухаркина «Классическая традиция и эволюция русской литературы» (с. 7–17) рассматривается ключевой вопрос сборника — жива ли старая традиция, приносит ли она еще литературные плоды. Оказывается, приносит. Пишет же И. Бродский: «О себе я всегда думал, что я запоздалый поэт классицизма» (цит. на с. 11). Автор статьи уделяет Бродскому много внимания, поскольку, по его мнению, именно в этом поэте проявила себя с наибольшей яркостью классическая традиция, преобразованная и заново оживленная.

Вторая статья этого раздела — «Русская литература XI–XVIII веков и проблема клас-

сического: к постановке вопроса» (с. 19–24) И. В. Аршиновой. Смелость автора состоит, на наш взгляд, в том, что классика рассматривается ею не как сугубо литературное, а скорее как общекультурное, духовное явление. «...Классическая культура, — считает И. Аршинова, — немыслима без метафизического основания, предполагающего не только определенную ценностную иерархию: ее невозможно вообразить вне представлений о смысле, цели, совершенстве — в эстетическом, этическом и метафизическом планах» (с. 23). Вместе с тем «медленное, но неуклонное вытеснение метафизики за границу, если можно так выразиться, интеллектуальной оседлости, которое лишает почвы классическую традицию; ее императивность; ее эстетическая, этическая и духовная заданность; конституирующее для классического сознания ощущение дистанции между заданным и данным — вот, по нашему мнению, тот далеко не полный перечень вопросов, которые должны обсуждаться в связи с проблемой классики, вероятно являющейся одной из центральных для понимания русского и европейского литературного процесса» (с. 23–24).

В свете этих утверждений мысль о конце классического периода в русской литературе XIX века небесспорна. Либо классический период закончился раньше, до А. С. Пушкина, либо классика действительно, как пишет автор, «представляет собой острую проблему» (с. 24), т. е. она присутствует в текущей литературе (как мы видим, например, по И. Бродскому), так сказать, в «снятом», преобразованном виде.

Раздел «Русская литература XVIII века: грани классической традиции» (с. 25–114) посвящен роли классики в период ее расцвета в русской литературе. Остановим внимание на двух работах этого раздела. А. Ю. Веселова в статье «Архангельские новаторы и архаисты В. В. Крестинин и А. И. Фомин» (с. 93–104) возвращает историю русской культуры имени двух членов-корреспондентов Академии наук, живших и действовавших в Архангельске во второй половине XVIII века. У обоих автор подмечает соединение архаических признаков (особенно в слого) и новаторских усилий в размышлениях того рода, который ныне принято относить к краеведению: «...в области регио-

* «Блаженное наследство»: Классическая традиция и русская литература = «Blessed Heritage»: The Classical Tradition and Russian Literature / Под ред. П. Бухаркина, У. Екуч и Е. Матвеева; при участии Б. Хольтц. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018. 367 S. (Opera Slavica. Neue Folge. Bd 64).

нальных разысканий, основанных на местном материале и носящих описательный характер, Крестинин и Фомин демонстрируют довольно высокий уровень научной работы, во многом новаторский для своего времени...» (с. 102).

Другая статья принадлежит Т. Е. Автухович («Федор Эмин как родоначальник массовой литературы в России: стратегии творческого поведения», с. 105–114). Само понятие «массовой литературы» в историческом отношении не имеет устойчивого определения, кроме того, что это литература для народа, или, говоря старинным языком, для людей «низкого состояния», позволяющая, развлекающая, доносить до них полезные сведения и нравственные истины. Автор проследивает формирование качеств литературы этого рода на начальном этапе ее истории в России — на романах Ф. А. Эмина («синтез архетипического авантюрного сюжета или условной мелодраматической истории с актуальным познавательным материалом или общественно-политическим контекстом составляет типологическое свойство именно массовой литературы», с. 112). Можно согласиться с автором, отмечающим, что, «выстраивая свои романы по законам рынка, адаптируя и тиражируя сюжеты и мотивы предшествующей литературы, Эмин приобщал демократического читателя к чтению» (с. 113). К сожалению, Автухович относит к «материалу для другого исследования» самый любопытный для исследователя аспект «массовой литературы» — вопрос о ее эстетической значимости.

Следующие два раздела сборника посвящаются судьбам классической традиции в более поздние периоды истории русской литературы: «От классической традиции к постклассической литературе» (с. 117–202) и «Неклассическая литература на фоне классической традиции» (с. 205–308).

В первом из них обращает на себя внимание тонкое исследование Е. В. Дущечкиной «Война: от панорамного видения к крупному плану» (с. 131–140) с тем лишь замечанием, что крупный план видения боя уже пробивался к читателю издавна сквозь общую панораму сражения. Развитие таких описаний от общих картин к частностям не было прямолинейным. Например, что это, как не крупный план в поэме Пушкина «Полтава»?

Младой казак в крови валялся
<...> Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвельный лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.¹

Другая работа из того же раздела — статья Н. А. Гуськова «Об одном из претекстов „Деревни“ А. С. Пушкина» (с. 141–157) ставит

в связь с этим стихотворением стихотворное же «Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну, сыну князя Михаила Васильевича» (1760-е или 1770-е годы) А. П. Сумарокова. Речь идет, в частности, о роли пейзажа в описательных стихотворениях. «Сама по себе природа еще не вызывает интереса, — пишет автор о произведении Сумарокова, — рассматривается сквозь призму культурной традиции и настроения персонажа, поэтому может быть условной, театрализованной и оставаться лишь синтезом общих мест» (с. 155). Несомненно, Гуськов прав: это отношение к пейзажу лишь предшествует картинам его у Державина и тем более у Пушкина. Это их «претекст», разумеется, но едва ли «претекст» в прямом, непосредственном смысле, а не вообще этап в поэтике века классицизма.

Эхо классической традиции в русской поэзии XX века отмечается в статье М. В. Пономаревой (Санкт-Петербург) «„Река времен в своем стремлении...“ в контексте темы бессмертия поэта: Державин — Мандельштам — Лосев — Кушнер» (с. 273–289). Надо признаться, что эхо это не везде вполне отчетливое, оно улавливается подчас только острым слухом исследователя. В стихотворении О. Мандельштама «Грифельная ода» (1923) само название еще можно соотносить с державинской «Рекой времен» (записанной, как известно, на грифельной доске), а в стихотворении Л. Лосева «XVIII век» (2012) при неверном указании: «накарябан в тетради гусиным пером стих занозистый, душу скребущий» — есть река и упомянуто имя Фелицы. Только у А. Кушнера говорится прямо: «Поднимаясь вверх по течению реки времен, / Ты увидишь Державина...». Тем не менее читатели должны быть благодарны автору статьи за ее тонкий слух, подтверждающий мысль, что «при любой ломке поэтического языка, спровоцированной творческими поисками, фигура Державина может быть актуальна» (с. 278).

В заключительном разделе сборника («Иноязычный контекст», с. 311–348) помещены две работы «Окказиональная поэзия во Франции XVIII века: „летучие“ тексты и их сборники» Н. В. Каревой (с. 311–327) и статья М. С. Трофимука «Термінус на раздорозжі української культури (стаття до 80-річчя перекладача й есеїста Андрія Содомори)» (с. 329–348). Появление этой работы на украинскую тему в сборнике, посвященном русскому XVIII веку, автор предисловия к книге объясняет следующим образом: «...деятельность А. Содоморы демонстрирует огромные культурные и нравственные потенции, до сих пор заключенные в классической традиции; в современной русской словесности рядом с А. Содоморой поставить, пожалуй, некого. Тем самым его творчество становится важной параллелью к истории русского слова, причем параллелью наиболее ему родственной» (с. 3; курсив мой. — Р. Д.). Это действительно параллель, но также и пример для отечественных «античников», на который им следовало бы обратить внимание.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 5. С. 59.

Согласимся с мнением Бухаркина, заключающего «Предисловие» к сборнику такими словами: «...книга „Блаженное наследство»: классическая традиция и русская литература“, как представляется, без особой предвзятости и с достаточной полнотой репрезентирует нынешнее культурное состояние России, во всяком случае, в некоторых регистрах интеллек-

туального ее бытия» (с. 4). Эти «регистры» показывают, что русская культура остается живой наследницей античной и просветительской классики. Такое наследие для нее жизненно необходимо, оно действительно «блаженно», если производить это понятие от слова «благо».

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-2-206-207

© О. Е. Осовский, © В. П. Куржаева

НОВАТОРЫ КАК АРХАИСТЫ*

Новая книга Ирины Шевеленко (Висконсинский университет, США) посвящена архаической составляющей русского модернизма, т. е. тому, как на рубеже XIX–XX веков «славянорусская древность» становилась основой не только самых смелых культурно-художественных экспериментов, но и одного из утопических проектов строительства русской нации. «Работа над этой книгой продолжалась, с перерывами, более десяти лет, — поясняет автор. — Этот процесс был связан для меня с постепенным изменением взгляда на материал, которому посвящена книга, и, как следствие, с освоением новой исследовательской оптики» (с. 7). В качестве основного инструмента исследования Шевеленко привлекает методологию «имперских штудий» (imperial studies), одну из разновидностей «колониальных исследований» (colonial studies), приобретших широкую известность в западной гуманитаристике с 1980-х годов. Сегодня этот подход осваивается и в России, однако среди немногих удач назовем лишь книгу А. Эткин-да,¹ впервые, впрочем, появившуюся на английском языке.

Отметим, что монография Шевеленко ставит более широкий круг вопросов, нежели судьбы архаики в отечественном модернизме. Речь идет и об уместности прямого переноса схем западной гуманитаристики в историко-культурное поле русского Серебряного века, и об адекватной трансляции методов и понятий, ориентированных на качественно другой материал, и о соответствии научной моды реальным вызовам исторического прошлого и политического настоящего.

Формулируя основной тезис исследования, автор замечает: «Зависимость русской культурной традиции последних двух столетий

от Запада, став источником напряжения и внутреннего конфликта в „эпоху национализма“, приводила идеологов и практиков модернизма к поискам способов актуализации автохтонной архаики и к провозглашению возврата к „национальным корням“ как содержательного смысла их собственного эстетического эксперимента» (с. 30). Подобная установка определяет выбор материала и структуру исследования. Принимая во внимание не только художественно-эстетические, историко-культурные и историко-литературные параметры проблемы, но и ее идеологическое измерение, Шевеленко привлекает самый широкий круг источников. Это и собственно литературные, живописные, музыкальные произведения, и практика ремесленного производства, и философско-политические, художественно-критические, пропагандистские тексты, образующие «нациестроительный» дискурс или полемизирующие с ним. Среди имен, оказывающихся в центре внимания автора, А. Бенуа, Вяч. Иванов, С. Городецкий, В. Хлебников. Не менее представительны набор фигур из иных творческих сфер: И. Стравинский, С. Дягилев, С. Прокофьев, Н. Рерих, В. Билибин и др. «Мир искусства» соседствует здесь с футуристами, «Русские сезоны» — с кустарями-иконописцами... Весь этот многоликий мир постепенного освоения русским модернизмом специфически понятой и в значительной степени сконструированной «национальной древности», определяемой в терминологии имперских исследований как «автохтонное», должен отразить этапы формирования со второй половины XIX века русского национального самосознания как альтернативы прежнему — имперскому.

В пяти главах книги этот процесс предвзятается теоретическим эскизом ключевых для замысла понятий («империя, нация, национализм»). Далее он разворачивается в конкретных историко-литературных и историко-культурных сюжетах — от осмысления отечественной критикой русского национального образа, создававшегося российской экспозицией на Парижской выставке 1900 года; роли русско-японской войны и русской революции 1905 го-

* Шевеленко И. Д. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.

¹ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.